

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Даманский. Огненные берега / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105026-9

Март 1969 года. Одурманенные маоистской идеологией китайские военные развязывают конфликт в районе острова Даманский на реке Уссури. Советские пограничники вынуждены вступить в схватку с превосходящими силами противника. С обеих сторон есть убитые и раненые. Ситуация накаляется с каждым днем... Прибывший на заставу для прохождения службы лейтенант Павел Котов сразу же оказывается в гуще событий. Его взвод первым принимает на себя удар. Одному из бойцов, оказавшемуся в китайском плену, удастся бежать. То, что он рассказал об увиденном, заставляет советское командование готовиться к самому неожиданному повороту событий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105026-9

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

В тамбуре было холодно, неудобно, сильно трясло. Консервная банка с окурками опустошалась только на конечных остановках. Герметичность вагона тоже оставляла желать лучшего — свирепствовал сквозняк.

Павел терпел. Каждый раз, выходя на перекур, он натягивал теплый свитер из овечьей шерсти, тем и спасался. За окном мелькали заснеженные пейзажи Приморья — жидкие лесополосы, гряда приплюснутых сопок на заднем плане. Конец календарной зимы — не повод для таяния снега. Он лежит до последнего и только в конце марта, когда становится по-настоящему тепло и солнечно, начинает неохотно сходить.

Час назад проследовали Хабаровск и повернули на юг — там стояли сорок минут. Термометр показывал минус двадцать. По радио сообщали, что во Владивостоке — минус десять, но в условиях повышенной влажности это тоже самое, что минус сорок в Якутии...

Проплывали заснеженные деревни, мерзлые полустанки. На длинных перегонах поезд

разгонялся, колеса бодро колотили по стыкам. Промелькнула станция, путевые мастерские, украшенные транспарантами. По всей стране одно и то же: «16 марта — выборы в местные Советы народных депутатов. Изберем достойнейших!» «Решения XXIII съезда КПСС — в жизнь!»

И снова — заметенные поля, дремучие сопки, забытые богом деревушки, дымки над трубами, лающие собаки.

Упомянутый партийный съезд состоялся три года назад и запомнился новым партийным лидером с представительной внешностью, переименованием Первого секретаря в Генерального, упразднением Президиума ЦК и восстановлением Политбюро ЦК КПСС. Коммунизм обещали построить к 1980 году, ждать оставалось всего одиннадцать лет...

Пробирал холод. Павел поежился, утрамбовал недокуренную сигарету в набитую доверху банку и побежал вон из тамбура.

За дверью, в купейном вагоне, был полный контраст: уютно, тепло, ковровая дорожка. В отсеке проводника позвякивали подстаканники.

В Хабаровске вагон наполовину опустел, но жизнь продолжалась. Мужчина средних лет возился с кружкой у титана, пришлось прижаться к стенке, чтобы разойтись. В другом конце вагона смеялась молодежь. У третьего купе, в котором путешествовали Павел Котов

с супругой, стояла его Настя, держалась за блестящий поручень и смотрела в окно. Ей заговаривал зубы крепко сложенный тип. Настя не возражала, отвечала односложно, по красивым губам скользила загадочная улыбка. Павел напрягся — на пять минут оставить нельзя! Зачем из купе вышла? Сидела бы и читала своего Виктора Гюго! Субъект ей что-то вкрадчиво нашептывал, норовил прикоснуться плечом. Настя тактично отстранялась, но пресекать посягательства не собиралась. Невысокая ростом, худенькая, русоволосая, с достойными формами, в изящной кофточке с ромбиками. Юбка — до лодыжек, но так подчеркивает ее достоинства. Настя выделялась в любой толпе, привлекала взгляды, и с некоторых пор это становилось проблемой...

Павел подошел, встал рядом и начал разглядывать «конкурента». Молодой детина, года на четыре моложе Павла, в красной спортивной футболке с надписью «СИБСЕЛЬМАШ» (очевидно, футбольная команда из какого-то захолустья), в мятых холщовых штанах. Прическа бобриком, физиономия скуластая, предельно нахальная, особенно глаза. Такие всегда идут напролом, уверены в себе (пока по зубам не получат), особенно имея поддержку за спиной. А таковая имелаась, субъект перемещался по просторам не один — компания занимала купе в другом конце вагона. Сели где-то в Сибири, выпивали, ржали, но вроде ни к кому не лезли.

Курили в противоположном тамбуре. «Группа поддержки» в данный момент находилась у своего купе, парни посмеивались, «болели» за товарища.

Субъект манерно вздохнул, оторвал от Насти липкий взгляд, с досадой уставился на Павла. Почему зачесался кулак? Хорошо, что он сегодня не в форме. Настя смутилась, опустила глаза, в которых продолжало поблескивать что-то плутовское. Молчаливая дуэль продолжалась секунд двадцать. «Футболист» не моргал, с выдержкой у него было все в порядке.

— Пойдем, дорогая, — Котов взял девушку под локоток и потянул к открытому купе.

— А ничего, что мы разговариваем? — вкрадчиво спросил субъект.

— А ничего, что я тоже хочу поговорить со своей женой? Причем без посторонних, — отозвался Павел. Конфликтовать не хотелось, тем более находясь в явном меньшинстве. Но он всегда мог постоять за себя и за Настю, иначе для чего ему первый разряд по боксу?

Субъект заколебался.

— Жена, что ли? — протянул он разочарованно. — А ты, стало быть, ейный муж... — детина задумался, хотя мыслительный процесс ему явно не шел.

— Муж, — подтвердил Павел. — Не возражаете, молодой человек, если мы вас покинем? Он не утомил тебя, дорогая?

Настя нерешительно пожала плечами.

— А ты уверен? — субъект скривился. Видно, что не любил проигрывать, даже в таких глупых ситуациях.

— А ты ему паспорт покажи, — прыснула Настя.

— Я сейчас ему кулак покажу, — пообещал Павел.

— Ну, кулак я тоже могу показать, — парень снова оскалился и опустил глаза на свою конечность. Его кулак выглядел мощнее, чем у Павла.

— Понятно, — сообразил Павел. — Юмор есть, а такта нет. Вы знаете, гражданин, что это опасно для здоровья?

— Ты драчун, что ли? — удивился парень. — Да ну, не верю. Молчи лучше, пока не сплющило... Он ваш муж, мадам? — учтиво спросил он у Насти.

Та кивнула.

— Тогда — пардон... — субъект картинно расстроился. — Поговорить с вами нельзя, смотреть на вас нельзя... Не повезло, в общем.

— Какая вам разница, женаты мы или нет? — вспыхнул Котов. — Вы прекрасно видите, что мужчина едет с женщиной. Обязательно нужно подойти и пристать?

Он почувствовал, как задрожала тонкая рука девушки. Субъект продолжал его оценивать. Потом пренебрежительно усмехнулся:

— Ладно уж, живите, моряк ребенка не обидит... — и, сунув руки в карманы, вразвалку побрел в свой конец вагона.

— Извиниться не хотите, гражданин? — бросил ему в спину Павел.

Субъект развернулся, уставился на него с изумлением. Потом недоверчиво покрутил шеей, дескать, ну и наглец. Глянул на оробевшую Настю, ухмыльнулся и побрел дальше, к своим веселым попутчикам.

— Что ты делаешь? — зашипела Настя, затаскивая его в пустое купе. — Нам только драки не хватало, чтобы ты к своему новому месту службы прибыл с синяками. Или вообще со сломанной рукой... Он всего лишь подошел, представился Михаилом, сказал, что ему тоже скучно, одиноко, а у меня глаза, как у горной лани, и он от них обалдел...

— И ты поверила? — Павел задвинул дверь. Постоял, разминая кулак. Превосходящие силы противника в купе не лезли, да и драться, если честно, не хотелось.

— Поверила? — удивилась Настя. — А у меня что, глаза не горной лани?

Он засмеялся, и напряжение сразу спало. Девушка оказалась у него в объятиях, он сжал ее, смачно чмокнул в лоб.

— Как можно? — ужаснулась она. — У меня пятно останется на лбу от твоих телячьих нежностей, как у индуски, — она тоже рассмеялась, ответила быстрым поцелуем в губы и быстро вернулась на насиженное место.

— Что он хотел? — проворчал Павел, присаживаясь напротив.

За окном мелькали опостылевшие пейзажи. Дальний Восток был не таким обширным, как Сибирь, но парочку Франций все-таки в себя вмещал.

— А чего от нас хотят? — пожала плечами Настя. — Подвалил такой, мол, где мой кавалер, как он посмел оставить такую лань? Может ли он скрасить мое щемящее одиночество? Знаешь, я опомниться не успела, как он мне зубы заговорил, завалил комплиментами, задурил, короче, голову... — Настя смотрела лукаво, и Павел снова начал злиться. — Зовут его Михаил... я уже говорила. Едет с товарищами из Новосибирска, из творческого, как он сказал, отпуска. Скоро выходит, поэтому не может уделить мне много времени. Но с удовольствием махнул бы на все рукой и увез бы в такую даль, где только снега да олени... Мне показалось, он — неплохой человек. Хотя и болтун, конечно, редкий...

Павел не стал вступать в перепалку. Он слишком любил свою жену, чтобы устраивать сцены. Ей и так пришлось несладко, а скоро будет еще хуже, в этом исключительно «заслуга» молодого лейтенанта Павла Константиновича Котова.

Он вынул из авоськи сверток. В Хабаровске купили беляши, отстояв приличную очередь, там же у какой-то бабушки — вареную картошку, вялый зеленый лук. В чемодане остались консервы, их можно приберечь ввиду не-

ясного будущего. Поели быстро — нечего тут развозить. В дверь постучали. Павел напрягся.

— Чай будете? — спросил проводник.

— Если не трудно, — встрепенулась Настя.

— Справлюсь, — проворчал работник железной дороги и отправился дальше по коридору. Настя повозилась, пристроила ноги под себя и погрузилась в чтение потрепанной книги. Творение Виктора Гюго «Человек, который смеется» она осваивала в третий раз. «Отверженных» осилила еще в Москве. В чемодане имелось «20 лет спустя» Дюма — до дыр зачитанное издание 1949 года, — но это было про запас, на крайний случай.

Он украдкой любовался своей женой: такая милая, обаятельная, читала увлеченно, будто в первый раз, теребила пальцем свисающий локон. Он вспомнил, как в детстве много раз проглатывал «Красных дьяволят», написанных в далеком 1922 году секретарем Костромского губкома РКП(б) (писал ее, кстати, в теплушке, пока ехал из Костромы в Баку), и всякий раз надеялся, что события пойдут другим чередом: не подстрелят коня под пацаном Мишкой, а махновцы не бросятся в бой...

Они ехали из столицы уже восьмые сутки. Пейзажи менялись незначительно, и возникала резонная мысль: эта страна где-нибудь кончается?

Настя понемногу изводилась: ей хотелось в душ, хотелось нормальной еды, свободы

и чтобы не стучали по нервам эти надоевшие колеса! Попутчики менялись от самой столицы: вторгались в купе, жили какое-то время, потом пропадали. Были молчуны, были говорливые и докучливые. Была интеллигентная, со всех сторон приятная старушка из Перми и развязный водитель асфальтоукладчика из Южно-Сахалинска; сызранская семейная пара, ожидающая пополнения, и бывший учитель из Биробиджана, живущий в Минске, едущий на похороны матери. Он постоянно убивался, что не полетел самолетом, а теперь и на девять дней не успеет! Субъект был крайне неприятный, и все купе облегченно вздохнуло, когда утром обнаружило его отсутствие.

Настя тоже вздыхала: почему не полетели самолетом? Проклятое безденежье... Вопрос риторический — услуги авиалиний молодой семье не положены (чином не вышли). Зато железной дорогой — в любое время и в любую сторону, только предъяви требование от оборонного ведомства.

Последний попутчик — неопрятный командировочный из Благовещенска, спрыгнул с поезда на прошлой остановке, забыв даже попрощаться. С тех пор они ехали в купе вдвоем...

Постучался проводник, попросил забрать чай. Сервис — странный. Павел подлетел, взял с подноса два стакана. Подстаканники тоже были горячие. Обжигая руки, донес до стола,

забыл закрыть дверь. Настя оторвалась от чтения и с усмешкой наблюдала за ним. Он сунулся в плечевую сумку из коджама, отыскал последнюю пачку печенья. Настя удивленно приподняла брови — какие мы экономные.

Чаевничали долго, пить этот жиденский кипяток было невозможно. Потом Павел пересел к жене, обнял ее. Она вздохнула, пристроила голову ему на плечо. Павел расслабился, стало хорошо.

— В душ бы сейчас... — в сотый раз повторила Настя. — В любой, пусть даже под холодный пожарный брандспойт...

Он молчал, гладил ее волосы.

— Вот скажи, зачем мы едем в такую даль? — прошептала Настя. — Да, сама себя обрекла, выходя за тебя замуж, но все равно обидно... Я — существо теплокровное, изнеженное, представляю мягкотелую интеллигенцию, мне нужна особая обстановка, тепличные условия... Я смогу найти работу на твоей заставе?

— Кем?

— Ну, не знаю... Могу кино за ручку крутить, в библиотеке работать... Могу делать много другой полезной и бесполезной работы.

— Не знаю, посмотрим. Жизнь покажет.

— А Китай там близко?

— Он там везде...

Он временами чувствовал себя неловко. Иногда тревожила совесть. Настя имела право на другую жизнь. Знакомясь со статным вы-

пускником Высшего погранучилища, она ожидала не этого. Тогда он был независим, остроумен, хорош собой — особенно в парадной форме. У девушки захватило дух. Ей и в голову не приходила мысль о вечных разъездах и бытовых неурядицах. Жизнь рисовалась ей в радужных красках.

Родители — коренные москвичи, интеллигенция в пятом колене, и сама она такая же выросла, впрочем, страстно при этом мечтая вырваться из-под домашней опеки. Библиотечный факультет, диплом с положительными оценками, перспектива остаться в столице и выгодно выйти замуж. А тут вдруг этот парень — свалился на танцах, как снег на голову. Парней было много, но понравился именно этот.

Предупреждали мама с папой: опомнись, дочка, добром это не кончится, положительный момент будет лишь один: ты познаешь географию. Разве ты этого хочешь от жизни? Пошла наперекор родительской воле. Те погрустили, но смирились.

Нормальный, в общем-то, парень, не какой-нибудь столичный проходимец или выходец из братских солнечных республик. Круглый сирота, воспитывала его дальняя родственница и делала это правильно, претензий к тете Кате — никаких.

По окончании училища Павлу светила Группа советских войск в Германии — достойное